

Посвящается Хемингуэю. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

Посвящается Хемингуэю. Виктор Платонович Некрасов

В Сталинграде, в первом батальоне нашего полка, был знаменитый связист. Фамилии его я уже не помню, или, вернее, просто не знал, звали же Лёшкой – это помню твёрдо. Маленький, худенький, с тоненькой детской шейкой, вылезавшей из непомерно широкого воротника шинели, он казался совсем ребёнком, хотя было ему лет восемнадцать-девятнадцать, не меньше. Особую детскость ему придавали нежно-розовый, девичий цвет лица, совершенно непонятно как сохранившийся после многонедельного сидения под землёй, и глаза – живые, выразительные, совсем не взрослые. Знаменит же он был тем, что много читал. Когда бы вы ни пришли на КП батальона, всегда могли застать его в своём углу, у аппарата, с трубкой и с глазами, устремлёнными в книжку. Наверху гудело, стреляло, рвалось (КП батальона находился в подвале мясокомбината), а он, поджав под себя ногу, листал книгу, время от времени отрываясь от неё, чтоб крикнуть: «Товарищ шестнадцатый, четвёртый вызывает».

Знакомство наше произошло не сразу – во время третьего или четвёртого моего посещения мясокомбината. В ту ночь он, как всегда, маленький, ссутулившийся, сидел в своём углу и кричал кому-то, что если через час не придёт положенное количество «семечек» и «огурцов», то четырнадцатый сам пойдёт ко второму и тогда шестому не сдобровать, а заодно и одиннадцатому. Когда он прекратил свои угрозы, я попросил его соединить меня с одной из рот. Он соединил, передал мне трубку, а сам уткнулся в книгу.

Я кончил разговаривать. Он попросил закурить. Долго скручивал сигарку, глядя сощуренными глазами на коптящее пламя гильзы, потом сказал:

– Пацан ведь, совсем пацан... А туда же со взрослыми...

Я не понял:

– Ты это о ком?

– Да о Петьке...

– Каким Петьке?

– Да о Ростове, – и скопил глаза в сторону книги, – не читали разве? «Война и мир» Эл Толстого... (Он так и сказал – Эл Толстого.)

Так началось наше знакомство.

Боец, читающий на передовой книгу, – сами понимаете, явление, не слишком часто встречающееся. И уже одно это должно было привлечь к нему внимание.

Сначала я думал, что он читает просто так, в минуты затишья, чтобы скоротать время. Оказалось, нет. Он обладал каким-то поразительным умением окунуться в книгу с головой, умением моментально переключаться со своих «огурцов» и «семечек» на смерть Пети Ростова или ещё что-нибудь, никак не более близкое ему сейчас. Всё прочитанное вызвало у него массу различных мыслей, рассуждений, вопросов, иногда просто ставивших меня в тупик.

Я, например, довольно долго пытался убедить его (после того, как он прочёл «Изумруд» Куприна), что писатель вправе писать не только о людях, но и лошадях, и даже от их имени. Он не соглашался:

– Писатель пишет, а ты читаешь и должен верить ему. И веришь. А тут знаешь, что он всё придумал, и тоже веришь. Разве можно так, товарищ лейтенант?

Я пытался доказывать, что можно и даже нужно, но он только пожимал плечами и, чтоб поставить точку в нашем споре (он вообще не любил споров, считая, очевидно, что чем-то обижает меня, не соглашаясь со мной), стал вызывать кого-то в трубку.

Мне очень нравились в Лёшке его независимость, его желание иметь и отстаивать свой собственный взгляд на вещи, его сомнения, которые не всегда могли развеять

Посвящается Хемингуэю. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru даже такие авторитеты, как Куприн или Толстой, – о себе я уже не говорю. И всегда ему нужно было точно знать, для чего написан тот или иной рассказ, – он был чуть-чуть моралистом. И в то же время он чисто по-детски, эмоционально и непосредственно, переживал всё, преподносимое ему книгами. Когда он прочитал «Попрыгунью», он долго не мог прийти в себя. По-моему, он даже всплакнул немного. Это, правда, не помешало ему тут же посетовать на Чехова, почему он так много места уделит «попрыгунье» и так мало такому хорошему, такому умному, такому замечательному Дымову. Ну хоть бы сказал, над чем он работал...

И всё это происходило в каком-нибудь полукилометре от немцев, в подвале мясокомбината, всегда набитом людьми, уставшими, злыми, невыспавшимися, где лежали и стонали раненые, где умирали.

Сейчас, семнадцать лет спустя, я с какой-то особой завистью вспоминаю о Лёшке, умевшем с такой лёгкостью абстрагироваться от всего окружающего. «Прочли ли вы то-то или то-то?» – спрашивают тебя. «Какое там... Времени нету... Давно собираюсь, да всё как-то...» А он сидел себе, поджавши ногу, и читал.

Где-нибудь в сети обнаружится порыв – загнёт страницу, побежит, починит, вернётся и опять глаза в книгу. И в тяжёлой нашей, скучной, однообразной фронтовой жизни Лёшка стал для меня каким-то просветом, огоньком, на который я всегда с радостью забегал.

Не помню точно когда, кажется, в декабре, нас передислоцировали, передвинули правее, на северные скаты Мамаева кургана. Все мы ворчали – пришлось расставаться с привычными, знакомыми участками, обжитыми землянками. А Лёшке к тому же пришлось расстаться и со своей «библиотекой». У него действительно была такая – в прошлом, очевидно, клубная, а сейчас никому не нужная, разбомбленная, заваленная кирпичом. Вот туда он и бегал, благо это было совсем рядом и с необстреливаемой стороны. Особой системой его чтение не отличалось. Читал всё, что попадалось под руку. Толстой, Чехов (к сожалению, он нашёл только один том), Александр Беляев, «Первый удар» Шпанова, какие-то старые журналы с оборванными обложками, а однажды я его застал за чтением Метерлинка, которого он хотя и прочёл, но не очень одобрил – впрочем, он вообще не любил пьес. Делал ли он различие в том, что читал? Да, делал. Больше всего он любил трогательное и жалостливое, «чтоб за сердце щипало». Любил про детей, про животных (пожалуй, больше всего из прочитанного его потрясла «Муму»), не любил про любовь, про войну. К моему величайшему изумлению, более чем холодно отнёсся к Жюль Верну, которым мы в своё время все так увлекались. Кстати, до войны, вернее до Сталинграда, он почти, чтоб не сказать – совсем – не читал. Родился и жил в деревне, недалеко от Саратова, кончил шесть классов...

Итак, нас передислоцировали. КП первого батальона перебазировался в бетонную трубу под железнодорожной насыпью, у самого подножия Мамаева кургана. Вот тут-то Лёшка и затосковал.

– Неужто у вас ничего нет почитать, товарищ лейтенант? – спросил он меня на второй или третий день после новоселья, сидя у своего аппарата и с тоской перелистывая наставление по стрелковому делу.

В те дни, когда у Лёшки была ещё собственная «библиотека», у меня на старом месте было тоже что-то вроде этого – десятка два книг, притащенных бойцами из разных развалин. При передислокации большинство из них я оставил в наследство нашим «сменщикам», с собой же взял только четыре книги: «Фортификацию» Ушакова, «Укрепление местности» Гербановского, «Медного всадника» с иллюстрациями Александра Бенуа и томик Хемингуэя в тёмно-красной обложке – «Пятая колонна и первые тридцать восемь рассказов». К слову сказать, эту последнюю книгу я украл.

Существует мнение, что кража книг не является кражей. Я эту точку зрения не разделяю. На мой взгляд, кража остаётся кражей, что бы ни украл – серебряные ложки, бриллианты или книгу. Во всех случаях это – преступление. И всё-таки Хемингуэя я украл. Украл в штабе армии. Был там один ПНШ – очень начитанный, очкастый, длинноносый майор, в прошлом декан какого-то института, великий книжник. Когда я приходил в штаб по своим сапёрно-инженерным делам, он обязательно заводил со мной какую-нибудь «интеллигентную» беседу о литературе, шахматах или Художественном театре. В однообразии обычных, осточертевших уже разговоров о минных полях, лопатах, киркомотыгах или новом НП, который надо за

Посвящается Хемингуэю. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru одну ночь построить, беседы эти вносили какую-то свежую струю. Но горе было в том, что майор в своих суждениях был так банален, так любил повторять чужие слова, что под конец он мне просто надоел со своим вечным: «А! Друг мой, зодчий бога Марса» и нудными рассуждениями о музах, молчащих, когда грохочут пушки. Возможно, именно поэтому я и украл у него Хемингуэя. Майор куда-то вышел на минутку, я посмотрел на книгу, которой он только что хвастался («Всю войну с собой вожу, люблю в свободную от исполнения воинского долга минуту перечитать тот или другой рассказик. Большой, очень большой и своеобразный мастер»), сунул её за пазуху и ушёл. И бог его знает почему, но ни тогда, ни сейчас никаких угрызений совести не испытывал и не испытываю.

Когда я нёс Лёшке книгу, я невольно спрашивал себя, а поймёт ли он этого писателя? Хемингуэй нелёгок, не для всех, к тому же, когда я вручал книгу Лёшке, выяснилось, что он не имеет ни малейшего представления о бое быков, без чего чтение доброй половины вещей Хемингуэя просто бессмысленно.

Очевидно, это была очень забавная сцена: сидят двое в крохотной землянке батальонного НП, в двух шагах от немцев (в эту ночь Лёшка дежурил не на командном, как обычно, а на наблюдательном пункте), курят махорку и разговаривают о матадорах, бандерильеро, верониках и реболерах, о которых один ничего не знал, а другой хотя тоже немногим больше знал, но кое-что читал и видал в детстве картину «Кровь и песок» с участием Рудольфа Валентино.

Часа в два ночи я ушёл. Была на редкость тихая, морозная, очень звёздная ночь. Немец почти не стрелял, освещал только передний край ракетами, и домой, на берег, я возвращался спокойным шагом, ни разу не присев. И, шагая по истерзанной снарядами и бомбами сталинградской земле, прислушиваясь к монотонному гулу ночных бомбардировщиков – наш или не наш? – и потом, засыпая в своей жарко натопленной землянке, я думал о том, что завтра, к семи ноль-ноль, нужно сдать схему инженерных сооружений обороны полка, которую, заболтавшись, не успел закончить, о том, как тесно на войне переплелось страшное и забавное, трагичное и весёлое, думал о Лёшке, возможно как раз в эту минуту читающем про мадридского шофёра Иполито, не проснувшегося даже тогда, когда рядом с ним разорвался снаряд, о том, что, не будь Лёшки, этот хемингуэевский очерк остался бы для меня только прекрасно написанным очерком, а сейчас стал чем-то значительно большим и нужным.

В шесть часов меня разбудил Титков, мой связной, – надо было заканчивать схему.

– А парнишку-то вашего ранило, – подавая мне котелок с кашей, сказал он с тем обычным спокойствием, с каким говорил о смерти ближнего и о полученных на складе двух плитках шоколада.

– Какого парнишку?

– Да того, с первого батальона, что книжки читал... С полчаса как в медсанбат потащили...

В медсанбате (он был в десяти минутах ходу от нас) я застал Лёшку приготовленным для эвакуации на левый берег. Ранен он был нетяжело, в руку и ногу осколками, но потерял очень много крови, пока дополз до КП батальона (он уже шёл домой после дежурства), и требовалось переливание крови, возможное только в госпитальных условиях.

Он лежал на земле, на подстеленной плащ-палатке, очень бледный, потерявший свой девичий румянец, но с обычным для него живым блеском в глазах.

– Где же тебя кокнуло? – спросил я.

– Да там, около насыпи, где мостик, знаете? Ерунда, – он с натугой улыбнулся, – скоро вернусь. А книжка ваша... – Он скосил глаза, показывая, что она у него под головой. – Испортил немного, не сердитесь.

Оказалось, что она слегка испачкана кровью, десятка три страниц, по самому краешку.

– Ничего, это её только украсит, – сказал я. – А прочесть успел что-нибудь?

Посвящается Хемингуэю. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
– Очень мало. Мешали все. Капитан Коробков дежурил, а он каждую минуту: «Алло! Алло! Положение?» Три штуки только успел. Про шофёров мадридских, про старика, у которого два козла и кошка остались, и третий – про Пако, помните, как два парнишки в бой быков стали играть и Пако напоролся на нож?

– «Рог быка»?

– Ага, «Рог быка»... – Он мучительно наморщил брови. – Вот глупо получилось, а? Просто ужас... На два дюйма только... Сколько это дюйм?

– Два с половиной сантиметра.

– Значит, на пять сантиметров в сторону, и не попал бы ему в живот... Бывает же такое... – И, помолчав, добавил, глядя куда-то в сторону: – Жаль Пако, хороший парень был.

Больше нам не дали говорить. Подошёл врач, и двое санитаров стали перекладывать его на носилки. Прощаясь, я протянул ему книжку:

– Чтоб не скучно в госпитале было.

Он, насколько мог, весело улыбнулся:

– Через неделю вернусь, вот увидите. И книгу верну, ей-богу, вы ж знаете меня...

Но больше я Лёшку не видел. Обычная история – из госпиталя отправили в другую часть, и всё. Война...

Жив ли Лёшка? Хочется верить, что да. И что по-прежнему много читает. И тот томик прочёл – тогда, в госпитале, или позже, после войны. Не думаю, чтоб Хемингуэй стал его любимым писателем, слишком у того много подспудного, недоговоренного, а Лёшка любил ясность. Но, как это ни странно, в этих двух столь несхожих людях, старом прославленном писателе совсем из другого мира и мальчишке-солдате из-под Саратова, мне видится что-то общее. В Лёшкином «жаль Пако, хороший был парень...», в этой фразе, сказанной через полчаса после того, как немецкий осколок, не отклонившись ни на дюйм, влип ему в руку, для меня звучит что-то по-настоящему мужественное, то самое, что заставило Хемингуэя полюбить своего мадридского шофёра Иполито. Он сказал о нём: «Пусть кто хочет ставит на Франко, или Муссолини, или Гитлера. Я ставлю на Иполито».

И на Лёшку, хочется добавить мне.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!